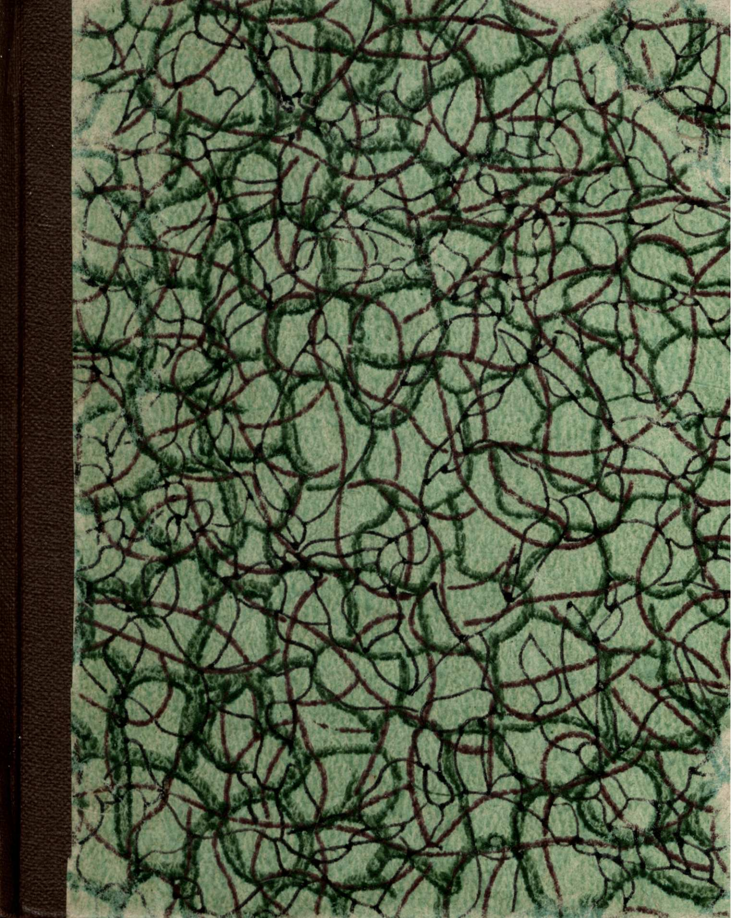

ПЛАЧЬ МОЙ
НА
ГРОБѢ
МОЕЙ МАТЕРИ.

сочиненїе
Николая Горжакова.

МОСКВА,
ВЪ Губернской Типографїи
у *А. Рѣшетникова, 1799 года.*

Съ дозволенїя
Московской Ценсуры.

ДАРЬѢ
ДМИТРІЕВНѢ
ГОРЧАКОВОЙ

съ искреннѣйшею любовью сочиненіе сіе посвящаетъ

братъ ея
Н... Г...

Что сокрыто подъ бѣлымъ симъ камнемъ? — Ахъ! тутъ покоится нѣжная моя матерь; — покоится дотолѣ, пока духъ бурный, несомый на огненныхъ крылахъ вѣтра, не опрокинетъ тяжелаго камня, надъ прахомъ ея положеннаго!

Тщетно горкими слезами стараюсь согрѣть хлад-

ную ея могилу. Стонъ мой не можетъ возбудить ея отъ крѣпкаго и глубокаго сна; вѣтръ уноситъ далеко томный голосъ мой, и произносимое имя матери моей теряется въ неизмѣримомъ пространствѣ воздуха.

Любезная тѣнь! — ты не чувствуешь теперь никакого зла, угнетающаго въ мїрѣ сердца дѣтей и твоего супруга. Но мы остались въ

немЪ по видимому, для того только, чтобЪ проливать слезы и рыдать на твоемЪ гробѣ. Скоро — скоро притекла ты кЪ нему и сЪ свѣтомЪ на вѣки простилась. Увы! мы не знаемЪ еще блаженства мертвыхЪ; но извѣстно, что ты вЪ пристанищѣ тихомЪ и безмятежномЪ наслаждаешься вѣчнымЪ и пріятнымЪ покоемЪ; а мы ежеминутно подвержены бурямЪ волнующихся страстей,

и въ томленіи въ невѣдѣніи должны еще ожидать послѣдняго конца своего.

*

Ахъ! гдѣ наша радость? -- гдѣ наше сладчайшее удовольствіе? гдѣ оно?—Въ одномъ воображеніи — изчезло какъ тонкій дымъ, и только привидѣніемъ теперь мечтается. — Печаль! печаль! -- вотъ что вмѣсто бывшаго удовольствія; а радости нѣтъ ихъ! одна минута, одно мгновеніе и — все кончилось.

Приди, о мой родитель! приди оплакивать здѣсь вмѣстѣ со мною непостоянство земнаго щастїя. Нѣжный и вѣрный другъ твой не въ твоихъ уже объятїяхъ покоится; но въ объятїяхъ смерти, въ забвенїи, — — — въ вѣчномъ забвенїи свѣта — — и тебя.

Мнится мнѣ, я вижу отца моего тихо къ могилѣ идущаго. Онъ съ ужасомъ и

удивленіемъ медленно къ ней приближается; подходитъ и болѣзненное чувствіе умножается на челѣ его, покрытомъ смертною блѣдностію. Молчитъ; но въ горестномъ молчаніи семъ, кажется, вопіетъ онъ изъ глубины сердца: „*И такъ здѣсь моя супруга, которая вливала въ сердце мое чистѣйшій огнь любви, раздѣляла со мною столь нѣжно всѣ мои скорби? Но*

въ какое ужасное безобразіе превратилась она! — Уста, плѣнявшія нѣкогда меня пріятною улыбкою, ничего кромѣ страшнаго вида не представляютъ; глаза, силу матерней любви и милыя свойства души изъявлявшіе, гдѣ они теперь? Гдѣ взгляды, означавшіе мысли скорѣе самыхъ словъ? Кромѣ двухъ впадинъ ничего не видно. Языкъ,

произношеніе коего въ глубину сердца проницало, порабощенъ молчанію въ сырой землѣ. Все тѣло пожирающими червями снѣдается.

О! какъ поблекла красота розы! какъ блѣдны и томны лилеи во мрачномъ жилищѣ гроба! —— Какой ужасъ изливаетъ смерть, сія грозная опредѣлительница цѣны, на все, что ни плѣняетъ насъ семъ въ мірѣ!

Я живо представляю себѣ добродѣтельныя свойства матери моей: правота, тихїй нравъ и чувствительное сердце, образъ всѣхъ добродѣтелей; но нѣжный отецъ мой при всей любви своей не въ силахъ былъ защитить тебя отъ лютаго насилїя смерти. Страшилище сїе, глухое, нечувствительное, не смягчилось отчаянїемъ мужа, котораго по

достоинствамъ должнобъ было уважить.

Кто не вознегодуетъ здѣсь на царицу страховъ, на несправедливое и жестокое ея своенравіе? Лишаетъ друга безцѣннаго, лишаетъ и оставляетъ сираго въ одиночествѣ на всемъ пространномъ лицѣ земли; — одного, безъ утѣшенія, съ лютою, грозною судьбою.

Смерть! алчная смерть! когда притупится лезвее

косы твоей, и когда, — когда престанешь ты посѣкать все живущее на землѣ? --- Никто избѣжать не можетъ отъ руки твоей, невидимая мучительница! стрѣлы твои, скоростїю молнїи подобныя, достигаютъ и повергаютъ насъ во мгновенїе ока: туча сихъ стрѣлъ, вмѣстѣ пущенныхъ безпрерывно одна за другою слѣдуетъ; летаютъ онѣ безъ порядка, и никто

не можетъ предузнать, кто жертвою ударовъ ихъ будетъ.

Но сколь ни мала черта, раздѣляющая міръ сей съ міромъ будущимъ, сколь ни кратокъ путь времянный къ вѣчности; но и на семъ краткомъ пути туча превратностей, коихъ никакая человѣческая мудрость отвратить не можетъ, всегда напасть на насъ готова. Нить жизненная столь тонка и нѣж-

на, что слабый Зефиръ прервать ея можетъ также, какъ и жесточайшая буря. —
—— —— Малѣйшее насѣкомое не менѣе бываетъ опаснымъ, какъ и Голїафъ со всею страшною своею бронею.——Воздухъ насъ окружающїй, коимъ мы дышемъ, часто поврежденъ бываетъ, и въ смертоносный ядъ для насъ превращается. Смерть входитъ и въ самую пищу нашу, и подобно злохитрому убїйцѣ

сокрытыя избираетъ пути къ достиженію насъ внезапно. Скрывается она въ собственныхъ нѣдрахъ нашихъ: входитъ и укрѣпляется столь сильно, что никакое искуство изгнать ея не можетъ; и самая кровь, толь необходимая питательница всѣхъ частей тѣла нашего, наполнена мучительными ея сѣменами. Человѣкъ въ первыя минуты своего дыханія бѣдственныя начала къ разру-

шенїю своему прїемлетЪ. Болѣзнь, долженствующая нѣкогда прекратить жизнь его, сперва подобна ему вЪ слабости; но раститЪ и укрѣпляется вмѣстѣ сЪ жертвою своею. Тѣло человѣческое, столь тлѣнная и удоборазрушимая есть машина, что наималѣйшїй ударЪ вЪ прахЪ превратить его можетЪ. Оно составлено изЪ многихЪ сложенныхЪ частей, и малѣйшая разстройка оныхЪ весь

порядокъ уничтожаетъ; повреждение одной пружины дѣйствїе всей машины останавливаетъ.

О сыны человѣческїе! будте всегда готовы; ибо въ часъ неожидаемый вами, возляжете на ложахъ вашихъ, заснете крѣпкимъ сномъ и не возстанете, доколѣ прейдутъ небеса. Мнѣ мнится, я слышу гласъ сей, раздающїйся по добно грому изъ

глубины гробовЪ, подЪ ногами моими находящихся.

Не завидна ли участь младенцевЪ умирающихЪ? Они испускаютЪ духЪ почти вЪ началѣ бытїя своего, не познаютЪ трудовЪ и болѣзней: на нѣсколько минутЪ во вратахЪ свѣта они остановилися, и омывши природную нечистоту вЪ купели перерожденїя, слабые глаза свои на вѣки закрываютЪ. ВЪ ми-

рѣ опочиваютъ они, ожидая Воскресенія.

И ты оставила насъ на вѣки нѣжнѣйшая матерь! Кто можетъ намъ вознаградить потерю твою? Какое кто можетъ подать намъ утѣшеніе? Въ унынiи и вздохахъ препроводивъ цѣлыя ночи, съ слезящими глазами встрѣчаемъ мы восходящую денницу. Ты оставила горкую печаль сѣмейству твоему;

съ кровными возрыдали всѣ знающїе твое добросердечїе.

Кто бы могъ безъ умиленїя и слезъ смотрѣть на жалостную сцену, когда достойнѣйшая изъ женъ за нѣсколько дней до смерти своей старалась облегчить болѣзнь своего супруга, котораго любила болѣе жизни. Тщетно скрывала она колеблющїй ея страхъ смертный. Дрожащими руками поддержи-

вала ослабѣвшую главу свою; внутреннимъ движенїемъ терзающаяся грудь ея воздымалась и трепетала. Она поспѣшно ко вратамъ вѣчности приближилась. Ничто печальному воображенїю моему трогательнѣе кончины сей не представляется. Нѣжная Мать и милостивая Госпожа въ жестокомъ видится состоянїи; борется со смертїю, и уже при послѣдней минутѣ бытїя своего находится.

Тщетно съ искусствомъ прибѣгаютъ къ ней на помощь; болѣзнь превозмогаетъ всякое попеченїе, и не взирая ни на что, страшный приговоръ совершаетъ; тутъ какъ будто слышны были слова сїи: *Я оставляю васъ любезные мои дѣти: простите — помните меня — помните, что была у васъ мать.... Простите!* Вмѣсто отвѣта одно рыданїе она слышала. Нѣсколько

минутЪ прошло и она продолжала слабымЪ голосомЪ: *Милый другЪ мой! ты одинЪ теперь остаешься покровителемЪ сиротЪ нашихЪ.——— Я оставляю тебя подЪ бременемЪ печали и болѣзни; но БогЪ ПомощникЪ твой — ОнЪ не оставитЪ тебя; благословитЪ и соединитЪ насЪ опять вЪ селенiяхЪ небесныхЪ.* По произнесенiи словЪ сихЪ, душа ея готова

оставить тѣсную темницу свою. Подобно догарающему свѣтильнику, который ослабѣваетъ, воспаляется и попеременно слабый свѣтъ испускаетъ; она взглянула еще разъ на всѣхъ, вздохнула и мрачный облакъ смерти покрылъ ея.

Въ страшную сїю минуту, стенанїе, вопль и рыданїе посреди насъ умножилось. Смертное ложе и лежащее на ономъ хладное тѣло мы

горкими слезами обливали. Въ отчаянïи вопïяли мы: Увы! ты насъ оставила, оставила среди непостояннаго и превратнаго мïра: ахъ! что мы безъ тебя будемъ! . .

Вѣрные служители плачевные взоры на тѣло Госпожи своей обращали. Кротость и всѣ добродѣтели ея въ сей жестокïй часъ живѣе имъ представились. Нелицемѣрное почтенïе и благодарность

сердца ихъ проницая, усугубляли горесть ихъ и источники слезъ изъ глазъ ихъ извлекали.

Кто можетъ оцѣнить сїю потерю и скорбь родителя нашего? Двадцать четыре года вкушалъ онъ прелести священнаго союза. Совершенное согласїе нравовъ между ими царствовало; бесѣда ихъ была тиха и утѣшительна. Одно сердце они составляли, и все между ими было об-

щее: взаимная любовь оживотворяла ихъ и облегчала самыя жестокїя болѣзни; блаженство ихъ было совершенно; но теперь удрученный самою лютѣйшею горестїю исчисляетъ минуты жизни своей по умножающимся степенямъ скорби и отчаянїя. Тако нѣжный другъ горлицы садится одинъ на изсыхающей вѣтви, когда хитрый птицеловъ поразитъ соучастни-

щу утѣхъ его, прячетъ голову свою подъ крылья и опускаетъ съ небреженїемъ перья, которыя прежде того очищалъ и хранилъ съ великимъ тщанїемъ.

О нѣжная Матерь! ты нынѣ пребываешь въ мирѣ, ты блаженна, достигнувъ тихаго пристанища, къ которому можетъ быть за утра и мы прїидемъ. . . . Помедли, помедли на злач-

номъ и покойномъ берегу семъ, доколѣ ты насъ дѣтей своихъ увидишь вмѣ. стѣ съ собою; и тогда буди намъ сама путеводительницей въ селенія Райскія.

КОНЕЦЪ.

